

н а т а л ь я

АЛЕКСАНДРОВА

н а т а л ь я
АЛЕКСАНДРОВА

*Попугай в пиджаке
от Версаче*

ЖАНЫ
РЫ
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Александрова, Наталья.

А46 Попугай в пиджаке от Версаче : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с.
ISBN 978-5-17-083470-9 (Дело ведут...)
ISBN 978-5-17-083468-6 (Иронический детектив)

У любимого попугая Лолы и Маркиза неожиданно испортился характер. Перришон начал вести себя абсолютно по-хамски, совершенно перестал следить за собственной речью, и вообще его манеры оставляли желать лучшего. Несмотря на все протесты пернатого, Лола везет Перришона в ветклинику, где и встречает давнишнюю приятельницу Аглаю Плюсс, которая занимается кастингом актеров в сериалы. Лола получает приглашение на пробы и, воодушевленная замаячившей на ее горизонте перспективой стать телезвездой, приезжает в телецентр. Каково же было удивление Лолы, когда она с прискорбием узнала, что на пробы приглашали вовсе не ее, а Перришона! Зависть и обида захлестнули Лолу, но, взяв себя в руки, она решила не чинить препятствий телевизионной карьере попугая. И стать бы Перришону звездой экрана, если бы не череда убийств, последовавших на телецентре одно за другим. Детектив похлеще киношного, а главный подозреваемый... Лола!

Самое время подключить Маркиза и разбираться в случившемся.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-083470-9
(Дело ведут...)
ISBN 978-5-17-083468-6
(Иронический детектив)

© Александрова Н.
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ»

Викентий Федорович на секунду задержался перед большим окном и окинул взглядом свое отражение. Была у него такая тщательно скрываемая привычка. Он ловил свое отражение в каждом зеркале, в каждой витрине, в зеркальных окнах машин, в обычных окнах...

Как всякая тщательно скрываемая привычка, эта привычка Викентия Федоровича была хорошо известна его коллегам и подчиненным. Не лишенный артистизма Сахаринов часто передразнивал начальника (конечно, только в его отсутствие) — застывал перед зеркалом с выражением печальной отрешенности на лице, медленно поводя головой, как павлин, и делая вид, что пытается разглядеть свой профиль.

Животовский смотрелся в зеркала не от самолюбленности, не от самоуверенности. Напротив, несмотря на свое достаточно высокое положение, несмотря на свою известность, этот сорокалетний

мужчина страдал неизжитыми подростковыми комплексами. Он был мучительно неуверен в себе. Ему казалось, что в его внешности или одежде что-то не в порядке, что-то не так — не застегнуты какие-нибудь важные пуговицы, или развязались шнурки, или неприлично растрепались волосы...

Викентий Федорович мучительно боялся показаться смешным.

Он на секунду задержался перед большим окном в холле, окинул быстрым взглядом свое отражение, убедился, что все в порядке — чуть редющие темные волосы хорошо уложены и умело закрывают намечающиеся залысины, модные очки без оправы сидят так, как надо, длинный черный кожаный плащ с узким воротничком из голубой норки застегнут на все пуговицы.

Он воровато оглянулся — не заметил ли кто, как он смотрится в это окно.

В холле телецентра никого не было. Большинство сотрудников давно разошлись по домам, а разные дежурные и ведущие ночных передач сидели тихо, как мышки, по своим звуконепроницаемым норкам, занимаясь делом.

Только немолодой охранник в своем деревянном вольере изображал бдительность.

На самом деле охранник разгадывал кроссворд, и сейчас он мучительно ломал голову, пытаясь отыскать столицу европейского государства из девяти букв, с буквой «Г» точно посередине. У него даже мелькнула шальная мысль попросить помощи у Викентия Федоровича, но он спешно прогнал эту мысль — известный режиссер, большой на-

чальник, безусловно, рассердился бы на него за такую фамильярность.

Хотя на самом деле Животовский нисколько бы на него не рассердился и подсказал бы эту несчастную столицу, потому что как раз в Стокгольме собирался по делам в следующий понедельник.

— До свидания, Викентий Федорович! — льстиво проговорил охранник, на всякий случай пряча кроссворд в стол.

Животовский ничего ему не ответил. Не от руководящего хамства, а оттого, что мучительно пытался понять — видел охранник, как он смотрелся в зеркало, или нет.

Автоматические двери открылись, выпуская известного режиссера и большого начальника, и плавно закрылись у него за спиной.

Викентий Федорович нашарил в кармане плаща брелок автомобильной сигнализации. Выполненный в форме жизнерадостного кролика, этот брелок напоминал Животовскому поездку в Америку, интервью, которое он давал журналу «Плейбой», и неудачную попытку выставить свой последний фильм на «Оскар».

Животовский вспомнил — и расстроился.

Для того он и держал этот «плейбойский» брелок — чтобы не зазнаваться, чтобы находиться в постоянном творческом поиске, для которого требуется плохое, а лучше — отвратительное настроение.

Он нажал кнопку, и любимый «пежо» отозвался со стоянки радостным ржанием.

Животовский подошел к машине, предвкушая двадцать минут покоя в уютном салоне, пахнущем

дорогой кожей и комфортом, под чарующую музыку Гаэтано Доницетти...

И в это время из-за громоздкого джипа Гоши Шапшевского, коммерческого директора телеканала, выскользнула сутулая фигура.

Узнав этого человека, Викентий Федорович огорчился.

Это было не то отвратительное настроение, которое нужно для поддержания творческого тонуса. Это было тоскливое предчувствие утомительного разговора с занудой. К тому же еще не совсем нормальным занудой.

— Зачем вы пришли? — недовольно спросил Животовский. — Ведь я вам вчера уже все сказал!

— Я пришел, чтобы восстановить историческую справедливость! — пробубнил этот занудный псих.

— Вы на часы не посмотрели? — Викентий Федорович скривился, как от целого лимона. — Рабочий день давно уже кончился! У меня совершенно нет сил! Ну разве так можно? Приходите завтра, в рабочие часы, я попрошу выписать вам пропуск... хотя, прямо вам скажу — не знаю, о чем мы можем говорить! Я вчера все вам сказал, и если повторять это еще раз — честное слово, мне просто жалко своего и вашего времени!

— Вот видите, — псих оживился, как будто нашел в словах Животовского неожиданную поддержку, — вы сами сказали, что приходить завтра совершенно бессмысленно...

— Ну и что из этого? — беспокойно переспросил Викентий Федорович, чувствуя, что странный

человек своими словами заманивает его в какую-то ловушку.

— Значит, нет никакого смысла откладывать это на завтра!

— Что откладывать? — Животовский огляделся по сторонам, надеясь, что появится кто-нибудь из коллег и поможет ему выкарабкаться из этого бесполезного, бесцельного и утомительного разговора.

Никого, конечно, не было.

Охранник за стеклом входных дверей увлеченно разгадывал свой дурацкий кроссворд. Теперь ему требовался американский киноартист из пяти букв с буквой «Й» точно посередине.

— Что откладывать? — тоскливо повторил Животовский, поняв, что подмоги не будет и придется выпутываться самому.

— Восстановление исторической справедливости.

Но все-таки какой зануда! И почему он привязался именно к нему, к Викентию Федоровичу, известному и преуспевающему человеку?

Позвать, что ли, охранника, попросить прогнать этого идиота?

Животовскому стало стыдно. Он покажется смешным, беспомощным, мнительным, а именно этого он боялся больше всего на свете!

Он чувствовал, что покой в удобном салоне машины и музыка Доницетти откладываются, что прежде ему придется снова разговаривать с этим занудным кретином, обсуждать его дурацкие амбиции...

Сутулый человек подошел к нему вплотную, словно хотел что-то сказать на ухо. Животовский

брезгливо отстранился, и вдруг он увидел, что в руке психа блеснуло что-то острое и тонкое. Викентий Федорович открыл рот, чтобы возмутиться, чтобы как следует отчитать этого идиота, который вообразил о себе невесть что, но идиот снова придвинулся к нему вплотную и коротким, сильным ударом воткнул в грудь свое тонкое и острое оружие.

Почему-то Животовский в первое мгновение подумал, что этот кретин испортил замечательный кожаный плащ.

Во второе мгновение он почувствовал страшную, пронзительную боль и удивительную щемящую тоску, как будто ему предстояло навсегда расстаться с очень близким и любимым человеком. Впрочем, так оно и было — ведь у Викентия Федоровича Животовского не было никого ближе, чем он сам, а именно с самим собой ему предстояло расстаться.

Неожиданно в мире кончился воздух. Дышать стало нечем. Даже те жалкие крохи воздуха, которые удавалось невероятным усилием протолкнуть в легкие, не годились для дыхания — они были хрупкими и колючими, как битое стекло.

Животовский успел еще подумать, что ему так и не удалось получить «Оскар», а также «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля, и на этой мысли он кончился.

Викентия Федоровича Животовского, известного кинорежиссера и телевизионного продюсера, больше не существовало.

Тело в дорогом кожаном плаще с узким воротником из голубой норки сползло по блестящему

боку «Пежо-406» и застыло на асфальте возле правого переднего колеса.

Сутулый человек внимательно посмотрел на дело своих рук, завернул оружие убийства в носовой платок и спрятал в карман.

Оглянувшись на стеклянные двери телецентра, за которыми невозмутимый охранник разгадывал свой кроссворд, он вполголоса проговорил:

— Историческая справедливость восстановлена... — Чуть подумав, он добавил: — Частично восстановлена!

И быстрым шагом направился за угол телецентра, где его ожидала машина.

В квартире стояла тишина. Но не та одинокая холодная тишина, которая наблюдается в квартирах, покинутых хозяевами надолго, — уехали, к примеру, в отпуск или в долгую командировку. И не та мертвая тишина, какая бывает в абсолютно пустой квартире, хозяева переехали, квартиру выставили на продажу и вывезли все ценное, а остальное бросили за ненадобностью. Не было также в квартире гулкой тишины нового дома, когда в самой квартире еще никого нет, но от соседей сверху доносятся уже визг дрели и постукивания, а за стеной кто-то шуршит и хлопает дверью, и на лестнице сквозняк, потому что носят и носят плитку, линолеум и мешки с цементом.

В квартире никого нет, но она знает, что не сегодня завтра распахнется дверь и ворвутся в квартиру развеселые ребята-мастера, предводительствуемые солидным немногословным прорабом, на-

бросятся на пол, потолок и стены, и через некоторое время превратят пустой бетонный сарай в игрушку. А может, и не превратят, это уж как повезет, но всегда нужно надеяться на лучшее.

В этой квартире стояла совсем другая тишина — уютная, домовитая.

Вот чуть треснул паркет, вот колыхнулась занавеска. Скрипнула оконная рама, с кухни донеслось удовлетворенное урчание холодильника.

Квартира была полна обитателей, но все они в этот поздний и теплый апрельский вечер вели себя очень тихо, почти не издавая никаких звуков. Впрочем, звуки были.

Из большой клетки, стоявшей на тумбе в гостиной, доносилось постукивание и почесывание. Клетка была накрыта платком, но тот, внутри, вел себя беспокойно.

С дивана доносились время от времени тихие взвизги и всхрапывания — там растянулся крошечный песик породы чихуахуа. Песик сладко спал, изредка подергивая во сне лапами. В другом углу дивана лежал, свернувшись калачиком, черный пушистый кот, даже в такой позе казавшийся огромным. Кот не шевелился и не издавал никаких звуков, но, присмотревшись к нему, можно было заметить, что глаза у кота открыты и он посматривает по сторонам весьма настороженно.

Кот Аскольд всегда заранее предчувствовал перемены. В этот раз ему пришлось расположиться на диване, поскольку его любимое кресло заняла Лола. Лола сидела в кресле, поджав ноги, и с увлечением читала толстую книгу. Таким образом,

тишину с ее стороны нарушал лишь шелест страниц. Вот она перевернула последнюю и захлопнула толстую книгу. Кот от звука не двинулся с места, только вопросительно приподнял одно ухо, Пу И — Лолин любимец, крошечный чихуахуа, названный ею так в честь последнего китайского императора, — даже не проснулся.

В комнате было раскрыто окно, и внезапный порыв ветра всколыхнул занавеску. Лола слегка поежилась — все же вечером в апреле прохладно. Но лень было встать с кресла и закрыть окно. Только сейчас она поняла, что в комнате темновато. Надо же, как зачиталась... Лола потянулась в кресле и заметила, что кот смотрит на нее очень внимательно.

— Аскольд, а я знаю, что ты не спишь, — протянула она.

Кот не обратил на ее слова ни малейшего внимания, даже не повернул голову в ее сторону. Он напряженно прислушивался к чему-то одному ему ведомому. Лола, прекрасно изучившая кота, тоже стала прислушиваться, но ничего не услышала. Она тихонько потянула к себе тапочки и встала с кресла, потирая занемевшую ногу. В это самое время Аскольд сорвался с дивана и черной молнией бросился в прихожую, после чего сел там у двери, преданно поедая ее изумрудными глазами.

Привычно подивившись такой прыти и также привычно обидевшись на кота, Лола потащила на кухню. Она прекрасно знала, что кот Аскольд совершает такие кульбиты только в одном случае — минуты за три перед появлением в квартире Лени Маркиза, Лолиного компаньона. Больше

кот ничем не проявлял своего особенного отношения, только иногда мурлыкал по утрам, лежа у Маркиза на груди.

Обиделась же Лола на кота потому, что она его кормила и даже пыталась вычесывать, он же принимал ее заботы как должное и очень редко выражал свою благодарность. Лола забыла в этот момент, как в трудную минуту, когда Ленька бросил ее и уехал с какой-то отвратительной провинциальной кривоногой каракатицей, звери сплотились вокруг нее и помогли пережить трудное время. И когда Ленька вернулся, а иного и быть не могло, звери приняли его в штыки. Но Маркиз с его обаянием легко сумел растопить холодок, возникший между ним и котом, и вот уже Аскольд сидит и смотрит на дверь так пристально, как будто хочет на ней дырку проделать... Звонок в дверь раздался неожиданно — Лола прислушивалась к шуму лифта, а Леня решил подняться пешком.

— Ты дома? — удивился он. — Что это ты сидишь в четырех стенах, когда на улице такая прекрасная погода?

— А где мне прикажешь быть, как не дома? — огрызнулась Лола, но без настоящего куража.

Нынешним вечером у нее было такое расслабленное состояние, что даже ругаться не хотелось. Ее компаньон ушел на какую-то деловую встречу, его вызвал один знакомый, якобы для того, чтобы предложить какое-то дело. Лола знала, что Леня вряд ли согласится, поскольку он привык объекты для своих операций выбирать сам. Леня был мошенником экстра-класса, работал всегда один, то

есть вместе с Лолой, и по мере надобности привлекал в процессе операции разовых помощников из числа старых проверенных знакомых. Леня ушел сегодня на встречу, но Лола не слишком волновалась по этому поводу, потому что взяла со своего компаньона честное слово, что он не станет ввязываться ни в какие сомнительные дела. Уж слишком много в последнее время было у них неприятностей. Казалось, что судьба втягивает в них Лолу с Маркизом помимо их воли. Ну, разумеется, они с честью выходили из любых передраг, но все же везению когда-либо придет конец, а что тогда будет, Лола не смела и думать.

— Ты голоден? — спросила она Маркиза тоном заботливой жены.

— Не то чтобы голоден, но чаю с удовольствием выпью! — объявил Леня и устремился на кухню.

Лола взглянула на часы и покачала головой — четверть двенадцатого, кто в такое время ест? Впрочем, она не собирается Леньке указывать, это его личное дело. Лола нажала кнопку электрического чайника, выставила на стол сухое печенье и коробку трюфелей. Маркиз глянул на стол и удивленно поднял брови. Под его взглядом Лола полезла в холодильник и достала оттуда солидный шмат ветчины, упаковку нарезанной ломтиками семги и кусок орехового рулета, после чего Леня сам ревизовал холодильник и добавил на стол еще баночку маринованных огурчиков и салями. Пока его боевая подруга заваривала чай, Леня успел отрезать кусок черного хлеба размером с надгробную плиту криминального авторитета и аккуратно уло-